

Пушкин А.С.  
музей

27/11 84

Париж, январь 1922 года. До приезда первого советского посла остается три года. Тон при обсуждении «русского вопроса» пока еще задают эмигранты. Но ведь и эмигранты бывают разные. Вот, например, Матвей Скобелев. Совсем недавно он — один из лидеров меньшевиков, в 1917 году заместитель председателя ВЦИК первого созыва, министр труда Временного правительства...

Но в августе 1917 года, в дни корниловщины, он порвал с Временным правительством, начал осознавать ложность меньшевистских позиций. Живя с 1920 года в Париже, обдумывал, оценивал новую ситуацию, сложившуюся в России. Искал в ней свое место. И нашел.

Скобелев предлагает свои услуги Советскому правительству, и его назначают представителем Центросоюза в Париже и Брюсселе. Пока отсутствуют дипломатические отношения РСФСР с западноевропейскими странами, он становится неофициальным советским торгпредом. И вот тогда-то к нему обращается

некий весьма далекий от политики Александр Отто.

Этот семидесятилетний человек долго рассказывал Скобелеву о себе. Как он, русский, из любви к Пушкину взял себе новую фамилию героя пушкинского романа — Онегин. Как, обосновавшись в Париже еще в 1866 году, решил посвятить свою жизнь созданию музея великого русского поэта.

Скобелев посетил квартиру Онегина-Отто на рю де Мариньян, 25 и ахнул. Увидел то, что собиралось и бережно хранилось в нескольких комнатах: первые издания книг Пушкина, рукописи его произведений, письма друзьям и

родственникам, портреты, гравюры, документы о последних днях поэта, о его дуэли, смерти.

Онегин-Отто показал Скобелеву договор, подписанный в 1909 году. Согласно ему Российская Академия наук приобретала собрание пушкинских материалов за 10 тысяч рублей. Но с одним условием: Онегин-Отто пожизненно оставался, да притом в Париже, хранителем своего музея и должен был за это получать ежегодную пенсию в 6 тысяч рублей.

Из сбивчивого рассказа Скобелев понял еще одно: с лета 1917 года Онегин перестал получать свою пенсию. Он очень нуждается, дове-

ден до крайности и готов продать свое собрание. Но может и остаться верным прежнему решению — если Советское правительство уплатит ему долг в 76 тысяч франков и подтвердит прежние условия договора.

Скобелев хорошо знал, как бедна была его Отчизна, разоренная шестью годами войны. Знал, что каждый золотой рубль на счету. Эти рубли нужны были для покупки хлеба (голодающим), паровозов (простаивавшим железным дорогам), тракторов (запустевшим полям). Но он понимал и другое: народ не может существовать без памяти о своем прошлом. Без

родной культуры. Без Пушкина...

Надо действовать. Но если написать в Москву, почта будет идти месяц, а то и два, к тому же и в Париже, и в Берлине многие «интересуются» ее содержанием. Скобелев пишет в Лондон советскому полпреду Красину. Кратко изложил суть вопроса, закончив так: «Я лично осматривал этот музей, который, вероятно, хорошо известен всем товарищам, жившим когда-либо в Париже, и полагал бы необходимым спасти эту культурную ценность».

Скобелев избрал верный путь — письмо дошло быстро, и уже в начале марта коллегия Наркомпроса

принимает решение: «необходимо уплачивать ежегодную субсидию на расширение музея согласно договору».

Теперь Скобелев обращается непосредственно к наркому просвещения Луначарскому. Просит ускорить оформление договора с Онегиным. 23 октября коллегия Наркомпроса принимает еще одно постановление: выделить 15 000 рублей золотом для выплаты задолженности А. Ф. Онегину. Одновременно подтверждалось прежнее решение о назначении его пожизненным хранителем музея.

7 декабря 1922 года прибывший в Париж специальный представитель Пушкинского дома М. Л. Гофман подписал с Онегиным новый договор, закрепивший все права на пушкинское наследие за Советским правительством. А в конце 1927 года, через два года после смерти Онегина, уникальные рукописи, материалы, книги, рисунки доставили в Ленинград и поместили в Рукописном отделе Пушкинского дома. Их и сегодня там можно увидеть.

Юрий ЖУКОВ.

Моск. новости. - 1987 - 27 дек (№ 52) - 9

## Возвращение пушкинских реликвий